

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 90–102.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2021, 1 (70): 90–102.

Научная статья
УДК 821.161.1.09(092)
DOI 10.37724/RSU.2021.70.1.010

Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого ¹ Статья вторая ²

Олег Ефимович Осовский

Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Республика Мордовия, Россия
osovskiy_oleg@mail.ru

Вера Петровна Киржаева

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева,
Саранск, Республика Мордовия, Россия
kirzhaeva_vera@mail.ru

Аннотация. В статье представлена реконструкция научной биографии выдающегося мыслителя XX века М. М. Бахтина, влияние которого на развитие гуманитарных наук в России и за ее пределами не просто сохраняется в XXI веке, но становится более заметным. Понимание того, как формируется и эволюционирует мысль М. М. Бахтина на протяжении 1910–1970-х годов, какие влияния она испытывает и в диалоге с какими школами и течениями получает завершение, — одна из важнейших целей бахтиноведения как междисциплинарного направления гуманитаристики последних десятилетий. Особое значение в этом контексте приобретают Собрание сочинений М. М. Бахтина, издание которого завершилось в 2012 году, исследования В. Л. Махлина, Н. И. Николаева, Н. А. Панькова, Н. Д. Тамарченко, Л. А. Гогтишвили, М. Холквиста, Г. С. Морсона, К. Эмерсон, Г. Тиханова, К. Брендишта, статьи и очерки С. Г. Бочарова, В. В. Кожина, В. Н. Турбина и др. С опорой на междисциплинарный подход, приемы микроистории и идею «малого времени» авторами дано комплексное описание жизни и творчества М. М. Бахтина на основе новейших разысканий отечественного и зарубежного бахтиноведения, собственных исследований 1990–2010-х годов, предложена периодизация научной биографии ученого, охарактеризованы основные достижения, прослежена эволюция философско-эстетических взглядов и исследовательской методологии, обозначены научный и социокультурный контексты работ невельско-витебского периода, «Проблем творчества Достоевского», исследований о романе, рукописи о Рабле, поздних текстов и фрагментов. Во второй части статьи предлагается реконструкция жизни и творчества ученого с периода кустанайской ссылки по 1975 год, обозначен поворот от социологической к исторической поэтике в работах 1930-х годов, в частности в рукописи о Рабле показан новаторский характер научных поисков 1940–1950-х годов, значение идей ученого для обновления советской и мировой гуманитаристики в 1960–1970-х годах.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, научная биография, «малое время», диалог культур, история отечественной филологии, бахтиноведение, биографический метод, микроистория, «Рабле в истории реализма», «Проблемы поэтики Достоевского».

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00341 А.
² Окончание. Начало см.: Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 4 (69). С. 89–101.

Для цитирования: Осовский О. Е., Киржаева В. П. Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого. Статья вторая // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 90–102. DOI: [10.37724/RSU.2021.70.1.010](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.010).

Original article

Mikhail Mikhaylovich Bakhtin: an Attempt to Reconstruct a Scholar's Biography³ Part 2⁴

Oleg Ye. Osovsky

Mordovia State Pedagogical University named for M. E. Evseyev,
Saransk, the Republic of Mordovia, Russia
osovskiy_oleg@mail.ru

Vera P. Kirzhayeva

Mordovia State University named for N. P. Ogarev,
Saransk, the Republic of Mordovia, Russia
kirzhaeva_vera@mail.ru

Abstract. The article reconstructs a scholarly biography of M. M. Bakhtin, an outstanding philosopher of the 20th century, whose influence on the development of humanities in Russia and abroad can hardly be overestimated and remains strong even in the 21st century. One of the most important goals of Bakhtin studies as an interdisciplinary humanitarian research of recent decades is the investigation of M. M. Bakhtin's philosophy and its evolution during the 1910s–1970s as well as the study of external factors, philosophical schools and trends that influenced Bakhtin's philosophy. M. M. Bakhtin's collected works (published in 2012), research works conducted by V. L. Makhlin, N. I. Nikolayev, N. A. Pankov, N. D. Tamarchenko, L. A. Gogotisjvili, M. Kholkvist, G. S. Morson, K. Emerson, G. Tikhonov, K. Brendist, articles and essays written by S. G. Bocharov, V. V. Kozhinov, B. N. Turbin, and other works gain special significance in the present context. The authors of the article describe M. M. Bakhtin's life and work through the prism of an interdisciplinary approach, employ the methods of microhistory and the idea of little time, rely on the investigations of Russian and foreign scholars working in the field of Bakhtin studies and their own research conducted in the 1990s–2010s. The article focuses on some landmarks of the philosopher's scholarly biography, characterizes his major achievements, investigates the evolution of his philosophical and aesthetical views and his research methodology, characterizes the scholarly and socio-cultural contexts of Bakhtin's work in Newel and Vitebsk, analyzes Bakhtin's "Problems of Dostoyevsky's Poetics", investigates his manuscript about Rabelais and his late works.

The second part of the article attempts to restructure the philosopher's life and work from the beginning of his exile in Kustanay till 1975. The article shows that Bakhtin's works of the 1930s bear witness to the fact that Bakhtin's sociological poetics gradually transforms into historical poetics. The article deals with Bakhtin's investigation of Rabelais' works in the 1940s–1950s. It underlines the importance of Bakhtin's ideas for the development of both Soviet and foreign humanitarian studies in the 1960s–1970s.

Keywords: M. M. Bakhtin, scholarly biography, little time, cultural dialogue, history of Russian philology, Bakhtin studies, biographical method, microhistory, sociological poetics, problems of Dostoyevsky's poetics.

For citation: Osovsky O. E., Kirzhayeva V. P. Mikhail Mikhaylovich Bakhtin: Reconstructing a Scholarly Biography (part 2). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021, 1 (70):90–102. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2021.70.1.010](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.010).

Введение

1930–1970-е годы составляют важную часть биографии М. М. Бахтина, а анализ сделанного ученым в этот период дает возможность понять характер его интеллектуальной эволюции, причины смены научных интересов и возникновения новых проблемных полей, взаимосвязь этого процесса с научным, социокультурным, идеологическим контекстами эпохи.

Такой подход позволяет точнее обозначить роль и место Бахтина в отечественном гуманитарном пространстве советского времени. В этом видится *актуальность* данной статьи. Введение новых архивных материалов, анализ различных аспектов жизни и деятельности Бахтина в Кустанае, Савелово, Саранске и Москве, его взаимоотношений с академическим литературоведением

³ The article is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-012-00341 A.

⁴ The end. See the beginning in *Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2020, no. 4 (69). pp. 89–101.

1930–1950-х годов, молодыми литературоведами периода «оттепели», процесса возвращения имени Бахтина в «большую науку» определяют *научную новизну* данной работы. Тем самым восполняются лакуны в биографии и жизнеописание мыслителя дополняется новыми фактами. В этом состоит *цель* предлагаемой статьи.

Основная часть

29 марта 1930 года Бахтины выехали из Ленинграда в Кустанай. Много лет спустя Бахтин вспоминал: «В поезде ехали свободно» (т. е. бесконвойно)» [М. М. Бахтин: беседы... , 2002, с. 356]. В беседах с В. Д. Дувакиным он привел некоторые подробности кустанайской жизни: «Кустанай — это был, действительно, такой угол совершенно темный. <...> Степь кругом, степь, деревьев там очень мало. Голая степь... Климат там был тяжелый, тяжелый: зимой очень сильные морозы, а летом совершенно изводили пыльные бураны. Ветры, которые поднимали пыль, буквально невозможно было ходить — задыхаешься... <...> Служил. <...> Экономистом. Все время. Тогда это обычно: ссыльные где-то вот в таких... вроде Кустаная... <...> ...Я в торговой организации служил экономистом. <...> Жена вначале работала в библиотеке, а потом нет, потом я уже один работал» [Там же, с. 233]. Имеющиеся документы и свидетельства говорят о том, что Бахтин работал экономистом Кустанайского райпотребсоюза с 23 апреля 1931 по 26 сентября 1936 года; кроме того, преподавал на курсах счетоводов и директоров сельмагов, а в последние годы вел занятия в педагогическом техникуме. Эта, казалось бы, совершенно не творческая работа в системе потребкооперации нашла отражение в статье «Опыт изучения спроса колхозников», опубликованной в 1934 году в журнале «Советская торговля». Статья, по словам Бахтина, «удостоенная похвальным отзывом Комакадемии», представляла экскурс в практическую социологию на основе детального анализа потребительского спроса в шести колхозах Кустанайского района.

В кустанайские годы Бахтин продолжает работу по проблемам романного слова. То, что задумывается как очерки по стилистике романа, постепенно перерастает в опыт постижения социальных и идеологических пространств слова и речи, в формирующиеся при этом образы говорящего человека, многоголосия различных социальных групп и сообществ, в новое понимание языка. Продолжая движение по пути, намеченному в книге о Ф. М. Достоевском и развивающему отдельные идеи «автора и героя», Бахтин фактически реформулирует представление о герое литературного произведения как о говорящем человеке романа, обладающем собственной волей и собственным жизненным пространством (еще одной формой все той же «нравственной действительности»). «Говорящий человек и его слово, как мы сказали, — специфицирующий предмет романа, создающий своеобразие этого жанра. Но в романе, конечно, изображается не только говорящий человек, и сам человек изображается не только как говорящий. Человек в романе может действовать не меньше чем в драме или в эпосе, — но это действие его всегда идеологически освещено, всегда сопряжено со словом (хотя бы только возможным), с идеологическим мотивом, осуществляет определенную идеологическую позицию. Действие, поступки героя в романе необходимы как для раскрытия, так и для испытания его идеологической позиции, его слова», — пишет М. М. Бахтин в «Слове в романе» [Бахтин, 2012, т. 3, с. 88].

Именно в Кустанае закладываются основы бахтинской теории романа как структурообразующего элемента его жанровой поэтики, происходит поворот от социологии языка и литературы к новому пониманию сравнительно-исторической поэтики. Итогом этого понимания стал многостраничный труд, известный под окончательным названием «Слово в романе» и занимающий важное место в научной и личной биографии Бахтина 1930-х годов. Именно с публикацией книги в издательстве «Советский писатель» он связывает надежды на обретение некоего статуса в официальной науке о литературе. Трудно сказать, почему Бахтиным был выбран именно «Советский писатель», но можно предполагать, что какую-то роль в этом могли сыграть московские связи его ленинградских друзей, прежде всего П. Н. Медведева. Стремление к освоению нового — «советского» — дискурса просматривается в многочисленных вставках в тексте рукописи, в отсылках к реалиям современной литературной борьбы, в тональности финала книги.

Несмотря на то что ссылка Бахтина закончилась в 1934 году, он продолжает жить в Кустанае, что объясняется не только политической обстановкой в стране после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 года и усиливающимся большевистским террором, но и невозможностью нормального трудоустройства из-за административных ограничений, налагавшихся на бывшего политического ссыльного. Летом 1936 года Бахтины решают уехать из Кустаная. Бахтин едет в Москву, потом в Ленинград, где встречается с друзьями, обсуждает возможности для трудоустройства, сдает в издательство «Советский писатель» заявку на публикацию «Слова в

романе». 9 сентября 1936 года ректор Мордовского пединститута А. Ф. Антонов отправляет Бахтину в Кустанай приглашение на работу: «Уважаемый тов. Бахтин! По рекомендации профессора Павла Николаевича Медведева приглашаем Вас на преподавательскую работу в Мордовском пединституте. <...> На первое время мы можем предложить Вам положение доцента, гарантированный заработок до 600 рублей, квартиру и подъемные для переезда из Кустаная в Саранск. <...> Ввиду острой нужды в преподавателях прошу не задерживать Ваш ответ» [Лаптун, 1996, с. 64]. В начале октября 1936 года Бахтины приезжают в Саранск, где им первоначально предоставляется номер в гостинице «Центральная», а позднее — комната в общежитии.

В Мордовском пединституте и существовавшем тогда Учительском институте он ведет курс истории всеобщей литературы. Облик М. М. Бахтина этого времени передают воспоминания его бывших студенток П. Назаровой и Т. Свищевой: «Был он небольшого роста, немного сутуловатый, лысый, на бледном лице светились каким-то особым блеском умные темные глаза. Ходил он в светлом костюме. На лекции правую руку обычно держал в кармане пиджака, а левую клал на грудь, за борт пиджака. Никаких бумаг, книг, листочков в руках у него никогда не было» [Назарова, Свищева, 1990, с. 4]. Большую помощь Бахтину оказал декан литературного факультета Г. С. Петров, по-видимому знавший его по Ленинграду конца 1920-х годов, бывший студент П. Н. Медведева и Н. В. Яковлева (Яковлев был известным историком русской литературы, хорошим знакомым В. Н. Волошинова и какое-то время числился научным руководителем кандидатской диссертации Г. С. Петрова. Он, как и Медведев, в 1936 году приезжал в Саранск для чтения лекций). В Саранске Бахтин планирует продолжить доработку рукописи «Слово в романе», которая под названием «К стилистике романа» фигурирует в плане научной работы кафедры. Однако интерес к исторической поэтике и проблемам романа воспитания как одной из составляющих жанровой системы европейского и русского романа приводит к тому, что год спустя в проспекте новой книги «Роман воспитания и его значение в реализме» в издательство «Советский писатель» он напишет: «Предлагаемая книга является результатом долголетней работы по истории романа воспитания и над Гёте, а также ряда курсов, читанных по этим вопросам. Ближайшим же образом в основу предлагаемой книги положен факультативный курс, читанный автором для студентов 4-го курса Мордовского государственного педагогического института в 1936–1937 году» [Цит. по: Бочаров, 2000, т. 2, с. 757].

Однако внутренняя обстановка, складывающаяся к концу 1936 года в пединституте и кампания по дискредитации Г. С. Петрова, развернутая его оппонентами из числа руководителей вуза, создают реальную угрозу и для самого Бахтина. В марте 1937 года он подает заявление об уходе по состоянию здоровья. 5 июня был издан приказ об увольнении Бахтина «за допущения в преподавании всеобщей литературы буржуазного объективизма», однако 1 июля новым директором института П. Д. Ереминым этот приказ отменен и Бахтин уволен с формулировкой «по собственному желанию» [Лаптун, 1996, с. 71]. Вспоминая о первом саранском периоде, он не без юмора говорил: «Там был большой пединститут, в Саранске. <...> ...Там платили хорошо. Ведь дело в том, что тогда еще была почасовая оплата. И очень много... Я оттуда привез тысяч десять, хотя только два семестра поработал. Вот когда я удрал, то я удрал с десятью тысячами в кармане» [М. М. Бахтин: беседы ... , 2002, с. 237].

Бахтины приезжают в Москву. М. И. Каган пишет 15 июля 1937 года жене: «У М. М. тоже была передрыга большая, но дело кончилось весьма благополучно для него: пострадали те, которые травили его безо всякого основания. Теперь он будет устраиваться на такой же работе, но в другом городе» [Каган, 2004, с. 666]. Однако, убедившись, что ни в Москве, ни в Ленинграде устроиться невозможно, 14 августа 1937 года Бахтины уезжают в Кустанай. Судя по письму М. И. Кагана от 11 августа, они планировали пробыть там 2–3 месяца, затем вернуться в Москву [Там же, с. 668], однако уже в письме от 15 августа указывается на появление и другого плана: «Полагаю, что Бахтины приедут сюда месяца через 2–3. Если нет, то они, вероятно, переедут в Алма-Ату» [Там же]. Пребывание в Кустанаяе было совсем недолгим. 20 сентября 1937 года Бахтин представляет в издательство «Советский писатель» упоминавшийся выше проспект книги, указывая в конце местом своего пребывания Москву. Судя по ответному письму редактора издательства Колтуновой, датированному, как указывают комментаторы, не позднее 15 декабря, новая рукопись предлагалась взамен так и не переработанного «Слова в романе» [Бочаров, 2012, т. 3, с. 758–759].

Бахтины начинают поиски места жительства за пределами столицы, которое при этом позволяло бы ученому поддерживать связи с московскими друзьями и издательствами. Они останавливают выбор на станции Савелово, возможно по рекомендации М. В. Юдиной (незадолго до этого в Савелово жила Н. Я. Мандельштам, с которой Юдину связывали дружеские отношения). Расположение станции на границе Московской и Калининской областей позволяло добираться до

столицы, где Бахтины до начала войны проводят довольно много времени. Так, в 1940 году они находятся в Москве с августа по ноябрь. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архиве М. В. Юдиной адресованные Бахтиным письма А. В. Ярославцевой, их квартирной хозяйки в Савелово: «Вы что-то долго в Москве загостились и если бы не деньги, которые мы от вас получали два раза, то мы были бы в затруднении что-либо думать о вас, вот уехали на две недели, а не приезжаете третий уже месяц. По-видимому, в Москве лучше, а у нас все также ничего нет...»; «...ждала, ждала вас и теперь и ждать перестала. Но больше вас в Москву не пушу, так что вас из Москвы и калачом не заманишь» [Цит. по: Паньков, 2009, с. 95].

Непростая, полная бытовых неурядиц и проблем со здоровьем жизнь (в 1938 году в Савеловской железнодорожной больнице Бахтину ампутировали правую ногу) не может помешать его занятиям наукой. Определившийся в 1930-х годах интерес к жанру романа в контексте исторической поэтики приводит ученого к разработке и завершению оригинальной концепции эволюции европейского романа (от античности до современности). То, что было намечено в первой половине 1930-х годов в «Слове в романе», в образе «говорящего человека», получит развернутое продолжение в книге о романе воспитания, в первом варианте рукописи о Рабле и подготовительных материалах к ней, в статье «Сатира» для «Литературной энциклопедии», над чем Бахтин и работает в савеловский период.

Несмотря на то что книга о романе воспитания, как и статья о сатире, не будет опубликована, официальное литературоведение начинает проявлять интерес к теоретическим взглядам Бахтина. 14 декабря 1940 года и 24 марта 1941 года он выступает с докладами «Слово в романе» и «Роман как литературный жанр» в Институте мировой литературы АН СССР имени А. М. Горького на заседаниях группы по изучению теории литературы, руководителем которой был Л. И. Тимофеев. Тогда же он представляет рукопись о Рабле для ознакомления ряду известных литературоведов, в их числе и А. А. Смирнов, который предлагает напечатать ее главы в изданиях Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Таким образом, научные открытия Бахтина в области теории и истории романа, народной смеховой культуры и смехового слова, творчества Рабле становятся достоянием части научной общественности и воспринимаются как новое слово в науке о литературе.

К началу 1940-х годов Бахтин окончательно формулирует новую методологию, предполагающую постижение ключевых феноменов мировой культуры сквозь призму «большого времени». Уже в подготовительных материалах к рукописи о Рабле он демонстрирует принципиальную широту своего исследовательского подхода: «Мы слишком много протягиваем нити от Раблэ во все стороны, слишком далеко уходим от него в глубину прошлого и будущего (будущего относительно Раблэ), позволяем себе слишком далекие и внешние сопоставления, сравнения, аналогии, слишком ослабляем узду научного метода. Можно усмотреть в этом неуместное увлечение раблэзианским духом, необузданностью его сопоставлений и аналогий (часто по внешнему звуковому сходству слов), его *soq-à-l'âne*. Это, однако, не ситуация Раблэ (в некоторой степени допустимая в книге о нем). Определение нашего метода. Мы собираем все прослеженные вперед и назад опыты в один раблэзианский узел» [Бахтин, 1996, т. 5, с. 478].

С началом войны Бахтин вынужден вернуться к учительской деятельности: он преподает русский язык и литературу, историю и немецкий язык в школах города Кимры и села Ильинское. Продолжается его интенсивная научная работа: он размышляет над проблемами методологии гуманитарного знания, в частности во фрагменте «К философским основам гуманитарных наук», продумывает пути дальнейшей доработки исследований о Рабле и Достоевском, предпринимает попытку описания жанра менипповой сатиры, уже к середине 1940-х годов рассматривая мениппею как своего рода мостик между смеховым миром Рабле и смеховым словом Гоголя. По понятным причинам преимущественными жанрами научного дискурса Бахтина в годы войны остаются фрагмент, набросок или заметка. В сохранившихся в бахтинском архиве заметках (««Слово о полку Игореве» в истории эпоса», «О Маяковском») отражается и его лекционная активность. Результатом методической работы становится статья «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе».

Как показывают исследования Н. А. Панькова и Л. А. Поповой, в 1943–1944 годах Бахтин ищет возможности для работы в Москве или Ленинграде, обращаясь к старым знакомым. Так, он пишет письмо Л. И. Тимофееву с вопросом о возможной работе в Институте мировой литературы (ИМЛИ). В ответном письме от 12 сентября 1943 года Л. И. Тимофеев сообщает: «Штаты урезаны, все забито. Если же вас устроит договор, то думаю, что можно с гарантией сказать, что он быстро будет с Вами заключен, поскольку это может быть сделано и по отделу советской литературы, которым я заведу. <...> Я, к сожалению, точно не помню, — оформлены ли у Вас звание или степень. <...> Если

их нет, — Вам надо ускорить защиту» [Попова, 2008, т. 4 (1), с. 902]. Таким образом, остро встает вопрос об отсутствии у Бахтина ученой степени. Он делает попытки опубликовать рукопись о Рабле в виде книги и обращается за помощью к А. А. Смирнову и М. В. Юдиной, позднее участие в судьбе рукописи принимает Д. Д. Обломиевский, однако этот проект не приносит результата, несмотря на высокие отзывы о рукописи А. А. Смирнова и Б. В. Томашевского. В связи с этим возникает иное решение — защита рукописи как диссертации, причем, по мнению части окружения Бахтина и их знакомых, — докторской. Последнее, впрочем, вызывает сомнения у некоторых близких друзей. Так, И. И. Канаев 22 июля 1945 года сообщает Бахтину: «А. А. [Смирнов] говорил с Шишм<аревым>, и тот высказал сомнение о том, что Вам ВКВШ [Всесоюзный комитет по делам высшей школы] разрешит защиту сразу докторской. Не знаю, кто этот вопрос будет продвигать, но если нет надежного человека, то м. б. лучше отставить этого гордого журавля и взяться за синицу — кандидатскую, а то уже слишком много времени утекло и еще утечет из-за неотчетливой постановки вопроса» [Попова, 2008, т. 4 (1), с. 960–961].

С хлопотами по защите совпадает и отъезд Бахтина из Савелова. Очевидно, что решение о переезде было принято к середине 1944 года (этим годом датирована автобиография, представленная им в Мордовский пединститут), однако такая возможность появляется только после войны. Благодаря помощи Г. С. Петрова, летом 1945 года он получает направление в Мордовский пединститут. В беседе с В. Д. Дувакиным Бахтин приводит подробности: «Ехать в Москву и в Ленинград нечего было и думать, я туда ездил постоянно, но жить там, прописываться там я не мог. Вот я пошел тогда... в Министерство просвещения, как оно называлось тогда... <...> Чтобы получить какое-нибудь назначение опять в какой-нибудь провинциальный вуз. И там как раз я нашел заведующего отделом пединститутов, моего... декана по Саранску, бывшего декана. Он меня увидел: “Возвращайтесь в Саранск. Я Вас сейчас же туда направлю, напишу директору. Вам будет обеспечено все, что нужно. Поезжайте лучше всего в Саранск”. Ну, я и поехал туда» [М. М. Бахтин: беседы ... , 2002, с. 244]. В сентябре 1945 года Бахтины приезжают в Саранск. Бахтин назначен и. о. доцента, с 1 октября — заведующим кафедрой всеобщей литературы (позднее — кафедрой русской и зарубежной литературы), где проработал до августа 1961 года.

18–30 мая 1946 года он находится в Москве в научной командировке «для подготовки диссертации и сбора материала для работы о Гоголе» [Лаптун, 2001, с. 529]. 24 июня получает справку о сдаче кандидатских экзаменов (античная литература, литература Средних веков и Возрождения, XVIII, XIX, XX веков, немецкий и французский языки, история философии, диалектический и исторический материализм) в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина; 28 июня 1946 года подает заявление в ИМЛИ о приеме к защите кандидатской диссертации на тему «Рабле в истории реализма». 15 ноября в ИМЛИ состоялась защита кандидатской диссертации Бахтина. Драматические перипетии заседания ученого совета и последующего прохождения диссертации в Высшем аттестационном комитете детально восстановлены в разысканиях Н. А. Панькова, впервые опубликовавшего стенограмму защиты, ВАКовское дело Бахтина и часть сопутствующих материалов [Паньков, 2009], а также в комментариях И. Л. Поповой и В. М. Алпатова.

После выступления Бахтина и официальных оппонентов А. К. Дживелегова, И. М. Нусинова, А. А. Смирнова и последовавшей острой дискуссии было проведено голосование за присуждение степени кандидата филологических наук и за присуждение степени доктора филологических наук со следующими результатами: за присуждение степени кандидата — 13, против — нет; за присуждение степени доктора — 7, против — 6.

Казалось, что дальнейшее прохождение работы Бахтина в ВАКе не вызовет осложнений, о чем говорится в письме Г. С. Петрова, написанном в начале апреля 1948 года: «О Вашей диссертации определенного чего-либо не удалось добиться. Вернусь 12–13 апреля — добьюсь и сообщу. Но должен сказать Вам то же, что говорил в личной беседе — оснований для отмены решения Совета института нет (так сказал мне Мовшович, начальник юридической части Министерства высшего образования, которого я знаю). Есть надежда, что просьба о присвоении степени доктора будет удовлетворена» [Дубровская, 2014, с. 64]. Примечательно, что Г. С. Петров пишет его уже после публикации в газете «Культура и жизнь» статьи В. Н. Николаева «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения», содержавшей резкую критику руководства ИМЛИ, в том числе и за защиту «фрейдистской» диссертации Бахтина. С усилением борьбы с космополитизмом и ужесточением идеологических установок диссертация Бахтина становится объектом повышенного внимания чиновников ВАК и представителей охранительного литературоведения, потребовавших от автора ее серьезной доработки. Несмотря на поддержку,

оказывавшуюся на разных этапах диссертанту М. П. Алексеевым, В. В. Виноградовым и другими, ВАК отклонил ходатайство о присуждении Бахтину степени доктора филологических наук и только 31 мая 1952 года принял решение о выдаче ему диплома кандидата филологических наук.

После защиты диссертации Бахтин заметно расширяет круг научных исследований, в котором одно из центральных мест должна была занять фигура А. Н. Веселовского. Можно предположить, что он планирует работу по созданию современной исторической поэтики, основы которой закладывались во второй половине 1930-х годов, в частности в ходе работы над «Формами времени и хронотопа в романе». В документах кафедры всеобщей литературы за 1945–1947 годы упоминаются подготовленные Бахтиным лекции для студентов по проблемам жизни и деятельности А. Н. Веселовского, истории романа, в основе которых анализ «литографированных лекций мастеров университетского преподавания всеобщей литературы, в первую очередь академика Ал. Ник. Веселовского» [М. М. Бахтин и его кафедра ... , 2002, с. 97–98], а также исследование «источников концепции А. Н. Веселовского» [Там же, с. 107]. Развернувшаяся в конце 1947-го — 1948-м году кампания по разоблачению идеологически вредных воззрений А. Н. Веселовского и его современных апологетов и последовавшая за этим борьба с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом» вынудили ученого отказаться от этих планов.

Политическая обстановка на рубеже 1940–1950-х годов, отказ от «нового учения о языке» Н. Я. Марра после появления статьи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» определили сдвиг научных интересов Бахтина в первой половине 1950-х годов в область языкознания. Продолжая разработку идей, намеченных во второй половине 1920-х — начале 1930-х, в частности в так называемых «спорных текстах» и «Проблемах творчества Достоевского», он обращается к вопросам диалога и речевых жанров, а также проблемам текста. Идея «обновления монологических жанров речи за счет диалога» отражается в масштабной конструкции «речевых жанров», которую ученый задумывает в 1952 году и занимается вплоть до начала 1960-х. Бахтин живо реагирует на актуальные вопросы филологической жизни послесталинской эпохи, в частности на дискуссию о стилистике, отголоски которой, по мнению комментаторов, присутствуют в «Проблеме речевых жанров» и в наброске «Язык в художественной литературе». Дискуссия о реализме 1958 года становится толчком к разработке круга вопросов, связанных с сентиментализмом в европейской и русской литературе, в специальном тексте «Проблема сентиментализма».

В эти десятилетия Бахтин ведет активную жизнь: достаточно часто приезжает в Москву, где, по приглашению М. В. Юдиной, посещает мастерскую П. Д. Корина, присутствует на чтении Б. Л. Пастернаком глав из «Фауста», читает в институте имени Гнесиных для студентов класса камерного пения лекцию о балладе [Осовский, 2006, с. 30–31]. В Саранске Бахтин выступает с лекциями перед молодыми писателями, слушателями различных курсов, в том числе организованных обществом «Знание», актерами Мордовского драматического театра, публикует в газете «Советская Мордовия» рецензии на спектакли «Мария Тюдор» В. Гюго и «На рассвете» Г. Я. Меркушкина (последнее — в соавторстве с Л. Г. Васильевым).

Несмотря на статус провинциального преподавателя и, казалось бы, полное забвение, Бахтин остается фигурой значимой для определенной части советского литературоведения, о чем свидетельствует, например, письмо Н. Я. Берковского от 18 января 1956 года, в котором автор дает оценку личности Бахтина как мерила нравственного начала в современной науке о литературе: «Когда еще был жив Михаил Пришвин, прозаики посылали ему свою прозу и поджидали, что он скажет, ибо тайное мнение было такое: один Пришвин — “настоящий”. Так и о Вас считают пишущие о литературе, и это случалось слышать от людей самых разных, когда они вдруг позволяли себе искренность» [Бочаров, 2000, т. 2, с. 514].

Возрастающий в период «оттепели» интерес к творчеству Достоевского неизбежно приводит к повышенному вниманию к книге Бахтина. В 1956 году перепечатывается рецензия на нее А. В. Луначарского, а в 1957 году В. Б. Шкловский в вызвавшей полемику книге «За и против. Заметки о Достоевском» не просто вспоминает «Проблемы творчества Достоевского», но, характеризуя их как «интересную книгу», пытается предложить свою интерпретацию феномена многоголосья у Достоевского. Появляются отсылки к работам Бахтина и его «круга» у В. В. Виноградова и в зарубежных исследованиях.

К концу 1950-х годов с трудами Бахтина знакомятся молодые сотрудники ИМЛИ (В. В. Кожин, С. Г. Бочаров, Г. Д. Гачев, П. В. Палиевский, В. Д. Сквозников и др.), работающие над многотомной «Теорией литературы» и находящиеся в активном поиске новых методологических подходов. Книга Бахтина о Достоевском и диссертация о Рабле представляются им наглядным свидетельством потенциала, которым обладало литературоведение в первые

десятилетия советской власти, научной и творческой свободы ученых предшествующего поколения. 12 ноября 1960 года В. В. Кожин пишет Бахтину письмо от группы молодых исследователей, всерьез заинтересованных его творчеством: «Я обращаюсь к Вам от имени связанной совместной работой и дружбой группы молодых литературоведов, которые родились в год появления Вашей книги или одним-двумя годами позднее. Практически мы почти ничего еще не сделали.

Но мы стремимся продолжать в своей работе дело Вашего поколения русской науки о литературе. <...> ...Наибольшая ценность Вашей работы заключена для нас в ее методологии, дающей единственно верный путь к пониманию искусства слова, — методологии, которая не вкладывает в произведение априорно сочиненные абстракции какого-либо рода “идей”, но стремится раскрыть все многогранное художественное содержание, глубоко исследуя объективную и конкретную реальность формы произведения. Этому мы учимся у Вас.

Не менее интересен для нас и другой Ваш труд, недавно нами “открытый”, — “Франсуа Рабле в истории реализма”. Сейчас мы с наслаждением изучаем эту фундаментальную работу.

Наша собственная “продукция” ограничивается десятком небольших статей; в настоящее время мы заканчиваем первый том нашего совместного детища — “Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении” (в Институте мировой литературы имени Горького). И если нам удастся высказать нечто полезное и существенное, мы будем во многом обязаны этим и Вам» [Цит. по: Паньков, 2009, с. 486].

После интенсивной переписки в декабре 1960 — июне 1961 года, обращения в дирекцию ИМЛИ с предложением поддержать издание книги о Рабле (кроме В. В. Кожина, С. Г. Бочарова, Г. Д. Гачева его подписала и автор монографии о Рабле 1948 года Е. М. Евнина) в начале июля 1961 года в Саранск приезжают В. В. Кожин, С. Г. Бочаров и Г. Д. Гачев. Впечатления от знакомства и двух дней бесед с Бахтиным переданы в письме В. В. Кожина от 5 июля: «Необычайно высокая цена Ваши книги, я все же никак не мог подозревать, насколько Вы сами больше, глубже и сильнее их. Ужасно хочется, чтобы начатые Вами работы приобрели достаточно законченную форму. У Ваших еще не очень старых друзей есть впереди по меньшей мере лет 30–35, и, поверьте, мы будем использовать всякую возможность обнародования столь ценимых нами трудов» [Цит. по: Паньков, 2009, с. 511–512]. Развернув в печати активную работу по популяризации трудов Бахтина («Литературная газета», «Вопросы литературы»), мобилизовав общественное мнение в поддержку переиздания книги о Достоевском и издания рукописи о Рабле, В. В. Кожин и его единомышленники смогли создать условия для реализации обоих издательских проектов. Заключив договоры с издательствами «Советский писатель» и «Художественная литература», Бахтин дорабатывает рукописи, значительно дополняя первое издание исследования о Достоевском и превращая в монографию свою диссертацию о Рабле. В 1963 году выходят «Проблемы поэтики Достоевского», а в 1965 — «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», делая Бахтина крупнейшей фигурой современной науки о литературе.

Новаторское прочтение романа Достоевского, новая методология изучения народной смеховой культуры не могли не вызвать острых дискуссий в гуманитарном сообществе: ожесточенная критика со стороны охранительного литературоведения встречала решительный отпор как сторонников бахтинских идей, так и тех, кто полагал необходимым отстаивать приоритеты научного, а не идеологизированного подхода в оценке явлений литературы и культуры, при этом не во всем соглашаясь с автором. В этот период рядом с Бахтиным оказываются представители самых разных научных и духовных течений — от Л. Е. Пинского, Н. М. Любимова, Вяч. Вс. Иванова, Б. А. Успенского до П. Г. Богатырева, Я. Э. Эльсберга и др. Восстанавливаются прежние связи и знакомства, в частности с Л. П. Гроссманом, М. П. Алексеевым, Д. С. Лихачевым и др. Возможности отдыха в домах творчества в Переделкино и Малеевке расширяют круг знакомств, включающий большое число деятелей литературы и искусства, в том числе начинающих набирать популярность поэтов и прозаиков, о чем свидетельствуют хранящиеся в библиотеке Бахтина книги с дарственными надписями А. И. Цветаевой, Б. А. Слуцкого, Д. С. Самойлова и др. [Издания с дарственными надписями ... , 2018].

С конца 1962 года значительную роль в жизни Бахтиных начинает играть В. Н. Турбин, взявший на себя немалую часть забот по обустройству их быта. По словам самого В. Н. Турбина, «наметилось и спонтанно возникшее разделение труда в посильном для нас содействии чете Бахтиных: мои коллеги взяли на себя устройство литературных дел Михаила Михайловича, проявив на сем поприще массу энтузиазма, энергии и изобретательности; а моим уделом и уделом вскоре

присоединившейся ко мне тогдашней аспирантки МГУ Леонтины Сергеевны Мелиховой оказались всевозможные попечения о его быте» [Турбин, 1991а, с. 100].

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х Бахтин не прекращает научной активности: планирует подготовку книги «Жанры речи», работает над статьями для журнала «Вопросы литературы», пишет ряд внутренних рецензий, в том числе на книги Л. Е. Пинского и И. И. Канаева, руководит аспирантами. Заметное ухудшение здоровья и необходимость в постоянном медицинском уходе вынуждают Бахтиных в октябре 1969 года покинуть Саранск. Благодаря помощи И. Ю. Андроповой, слушательницы семинара В. Н. Турбина, по указанию ее отца председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова, Бахтиных помещают на лечение в «Кремлевской» больнице в Кунцево (Москва), где, как вспоминает В. Н. Турбин, «на одном этаже — Анастас Микоян, на другом — Бахтины, Михаил Михайлович и Елена Александровна, супруга его. Лежат, лечатся в огромной светлой палате. Нещадно курят. Семь месяцев пробыли там, исцелялись с комфортом. Медики делали все, что могли» [Турбин, 1991б]. После лечения им были обеспечены относительно комфортные условия пребывания в доме престарелых в Климовске (недалеко от Москвы), где, по свидетельствам В. В. Кожина, С. Г. Бочарова, В. Н. Турбина и других, Бахтин имел возможности для научной работы и даже выступал с лекциями перед учителями Подольского района Московской области. После того как становится ясно, что Бахтины не вернутся в Саранск, В. В. Кожин перевозит в Москву архив ученого, что обеспечило в дальнейшем возможность публикации его неизвестных трудов, в числе которых не только завершённые работы, но и подготовительные материалы, заметки, черновые записи и фрагменты.

В ноябре 1970 года Бахтин был принят в Союз писателей СССР. 75-летие ученого отмечается не только в Мордовском, но и в Московском и Тартуском университетах.

13 декабря 1971 года умирает Елена Александровна Бахтина. После смерти жены Бахтин проводит несколько месяцев в Доме творчества писателей в Переделкино, а в сентябре следующего года переезжает в кооперативную квартиру в писательском доме в Москве. Там в феврале — марте 1973 года проходит запись его бесед с В. Д. Дувакиным, которые представляют своего рода устную автобиографию ученого. С помощью В. В. Кожина и С. Г. Бочарова он подготавливает сборник работ 1920–1940-х годов «Вопросы литературы и эстетики», статьи для сборника «Контекст».

7 марта 1975 года Бахтина не стало. Похоронен на Введенском (Немецком) кладбище в Москве.

В 1975–1986 годах публикуются сборники «Вопросы литературы и эстетики» (1975), «Эстетика словесного творчества» (1979), «Литературно-критические статьи» (1986), трактат «К философии поступка» (1986), которые знакомят читателя с ранее неизвестными текстами Бахтина и меняют представления о нем. С середины 1970-х годов формируется новый образ Бахтина — теоретика романа и исследователя речевых жанров, оригинального философа, по-новому интерпретирующего мир человеческого поступка. С конца 1980-х годов группой исследователей во главе с С. Г. Бочаровым и В. В. Кожинным в ИМЛИ ведется работа по подготовке и изданию Собрания сочинений Бахтина, выпуск которого начинается в 1996 году и завершается в 2012 [См.: Осовский, 2015].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что бахтиноведение в последние десятилетия достигло значительных успехов в освоении научного наследия Бахтина, в восстановлении отдельных эпизодов его биографии, в выявлении новых архивных материалов, связанных с деятельностью самого ученого и его круга. В этом контексте особо значимым представляется историко-биографический аспект комментариев к Собранию сочинений Бахтина. В то же время остается актуальной задача построения полномасштабной научной биографии мыслителя, сочетающей анализ его творческих достижений и собственно биографического материала. Планомерная работа с архивом Бахтина, ныне переданным в Российскую государственную библиотеку, что в перспективе делает его доступным для широкого круга исследователей, продолжение поисков в государственных архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Орла, Саранска, в зарубежных документохранилищах, работа с частными собраниями, думается, позволит устранить имеющиеся «белые пятна» и восполнить лакуны в жизнеописании мыслителя.

Список источников

1. Бахтин М. М. Слово в романе // Собр. соч. : в 6 т. — Т. 3. — М. : Русские словари : Языки славянских культур, 2012. — Т. 3. — С. 9–79.
2. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Собр. соч. : в 6 т. — Т. 5. — М. : Русские словари : Языки славянских культур, 1997. — С. 473–492.
3. Бочаров С. Г. Комментарии // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 6 т. — Т. 2. — М. : Русские словари : Языки славянских культур, 2000. — Т. 2. — С. 431–560.
4. Бочаров С. Г. Комментарии // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 6 т. — Т. 3. — М. : Русские словари : Языки славянских культур, 2012. — С. 713–858.
5. Дубровская С. А. «Гоголь и Рабле» как сюжет отечественного литературоведения 1940–1980-х гг. // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2014. — Т. 73, № 6. — С. 62–71.
6. Издания с дарственными надписями в коллекции «Личная библиотека М. М. Бахтина» : каталог. — Саранск : Нац. б-ка им. А. С. Пушкина, 2018. — 263 с.
7. Каган М. И. О ходе истории. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 707 с.
8. Лаптунов В. И. Первый приезд М. М. Бахтина в Саранск (1936–1937 гг.) // Невельский сборник. — СПб. : Акрополь, 1996. — Вып. 1. — С. 61–75.
9. Лаптунов В. И. Хронограф жизни и деятельности М. М. Бахтина // М. М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. — СПб. : Рус. христиан. гуманит. ин-т, 2001. — Т. 1. — С. 521–549.
10. М. М. Бахтин: беседы с В. Д. Дувакиным. — М. : Согласие, 2002. — 400 с.
11. М. М. Бахтин и его кафедра. Документы кафедры всеобщей литературы Мордовского пединститута имени А. И. Полежаева: 1945–1947 гг. // М. М. Бахтин в Саранске : документы, материалы, исследования. — Саранск : Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2002. — Вып. 1. — С. 96–111.
12. Назарова П., Свищева Т. Каким он светлым был // Советская Мордовия. — 1990, 7 авг.
13. Осовский О. Е. М. М. Бахтин и М. В. Юдина (по материалам ОР РГБ и другим источникам) // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. — Саранск : Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2006. — Вып. 2–3. — С. 22–38.
14. Осовский О. Е. [Рецензия] // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2015. — № 2. — С. 61–67. — Рец. на кн. : Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 6 т. — М. : Русские словари ; Языки славянских культур, 1996–2012.
15. Паныков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. — 720 с.
16. Попова И. Л. История «Рабле»: 1930–1950-е годы // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 6 т. — М. : Русские словари : Языки славянских культур, 1996–2012. — Т. 4 (1). — С. 841–924.
17. Турбин В. Н. «...И захватите с собой масла и сахару» (Два письма М. М. Бахтина: публикация и примечания) // М. М. Бахтин и философская культура XX века. Проблемы бахтинологии : сб. ст. — СПб. : Образование, 1991а. — Вып. 1, ч. 2. — С. 99–106.
18. Турбин В. Н. Михаил Бахтин или Павка Корчагин? // Литературная газета. — 1991б, 8 мая.

References

1. Bahtin M. M. A Word in a Novel. *Bahtin M. M. Sobranije sochinenij: v 6 tomah* [Bakhtin M. M. Collected Works: in 6 volumes]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Slavic Languages Publ., 2012, vol. 3, pp. 9–79. (In Russian).
2. Bahtin M. M. Additions and Changes to “Rabelais”. *Bahtin M. M. Sobranije sochinenij: v 6 tomah* [Bakhtin M. M. Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Slavic Languages Publ., 1997, vol. 5, pp. 473–492. (In Russian).
3. Bocharov S. G. Comments. *Bahtin M. M. Sobranije sochinenij: v 6 tomah* [Bakhtin M. M. Collected Works: in 6 volumes]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Slavic Languages Publ., 2000, vol. 2, pp. 431–560. (In Russian).
4. Bocharov S. G. Comments. *Bahtin M. M. Sobranije sochinenij: v 6 tomah* [Bakhtin M. M. Collected Works: in 6 volumes]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Slavic Languages Publ., 2012, pp. 713–858. (In Russian).
5. Dubrovskaja S. A. “Gogol and Rabelais” in Russian Literary Studies of the 1940s–1980s. *Izvestija Rossijskkoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. 2014, vol. 73, no. 6, pp. 62–71. (In Russian).
6. *Izdanija s darstvennymi nadpisjami v kollekcii “Lichnaja biblioteka M. M. Bahtina”* [Editions with Commemorative Inscriptions in the Collection of M. M. Bakhtin’s Private Library]. Saransk, National Library named for A. S. Pushkin Publ., 2018, 263 p. (In Russian).

7. Kagan M. I. *O hode istorii* [About the Course of History]. Moscow, Slavic Languages Publ., 2004, 707 p. (In Russian).
8. Laptun V. I. M. M. Bakhtin's First Visit to Saransk (1936–1937). *Nevel'skij sbornik* [Nevel Collection]. St. Petersburg, Acropolis Publ., 1996, iss. 1, pp. 61–75. (In Russian).
9. Laptun V. I. The Chronograph of M. M. Bakhtin's Life and Work. *M. M. Bahtin: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo M. M. Bahtina v ocenke russkoj i mirovoj gumanitarnoj mysli* [M. M. Bakhtin: pro et contra. Bakhtin's Personality and Work as Assessed by Russian and Foreign Humanitarians]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian University Publ., 2001, publ. 1, pp. 521–549. (In Russian).
10. *M. M. Bahtin: besedy s V. D. Duvakinym* [M. M. Bakhtin: Conversations with V. D. Duvakin]. Moscow, Agreement Publ., 2002, 400 p. (In Russian).
11. M. M. Bakhtin and his Department. Documents of the Department of General Literature at Mordovia State Pedagogical Institute named for A. I. Polezhaev: 1945–1947. *M. M. Bahtin v Saranske: dokumenty, materialy, issledovanija* [M. M. Bakhtin in Saransk: Documents, Materials, Research]. Saransk, Mordovia State University named for N. P. Ogarev Publ., 2002, iss. 1, pp. 96–111. (In Russian).
12. Nazarova P., Svishheva T. He was Exceptionally Good. *Sovetskaja Mordovija* [Soviet Mordovia]. 1990, August 7. (In Russian).
13. Osovskij O. E. M. M. Bakhtin and M. V. Yudina (on the Materials of the Manuscript Department of the Russian State Library and other Sources). *M. M. Bahtin v Saranske: dokumenty, materialy, issledovanija* [M. M. Bakhtin in Saransk: Documents, Materials, Research]. Saransk, Mordovia State University named for N. P. Ogarev Publ., 2006, iss. 2–3, pp. 22–38. (In Russian).
14. Osovskij O. E. [Bakhtin M. M. Collected Works: in 6 volumes. A Review]. *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language series]. 2015, no. 2, pp. 61–67. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Slavic Languages Publ., 1996–2012. (In Russian).
15. Pan'kov N. A. *Voprosy biografii i nauchnogo tvorcestva M. M. Bahtina* [The Issues of M. M. Bakhtin's Life and Work]. Moscow, Moscow University Publ., 2009, 720 p. (In Russian).
16. Popova I. L. The History of Rabelais: the 1930s – 1950s. *Bahtin M. M. Sobranije sochinenij: v 6 tomah* [Bakhtin M. M. Collected Works: in 6 volumes]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Slavic Languages Publ., 1996–2012, vol. 4 (1), pp. 841–924. (In Russian).
17. Turbin V. N. "...Bring some oil and sugar" (M. M. Bakhtin's Two Letters: Letters and Comments). *M. M. Bahtin i filosofskaja kul'tura XX veka. Problemy bahtinologii* [M. M. Bakhtin and the Philosophical Culture of the 20th Century. Problems of Bakhtinology]. St. Petersburg, Education Publ., 1991a, iss. 1, part 2, pp. 99–106. (In Russian).
18. Turbin V. N. Mikhail Bakhtin or Pavel Korchagin? *Literaturnaja gazeta* [Literary Newspaper]. 1991b, May 8. (In Russian).

Информация об авторах

Осовский Олег Ефимович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева.

Сфера научных интересов: жизнь и наследие М. М. Бахтина, русская литературная теория.

Киржаева Вера Петровна — доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева.

Сфера научных интересов: лингвистические и философские взгляды М. М. Бахтина, история русского языка.

Information about the authors

Osovsky Oleg Yefimovich — Doctor of Philology, Senior researcher of Mordovia State Pedagogical University named for M. E. Evseyev.

Research interests: M. M. Bakhtin's life and legacy, Russian literary theory.

Kirzhayeva Vera Petrovna — Doctor of Pedagogy, Professor in the Department of the Russian Language at Mordovia State University named for N. P. Ogarev.

Research interests: M. M. Bakhtin's philosophical and linguistic views, history of the Russian language.

Статья поступила в редакцию 23.09.2020; одобрена после рецензирования 10.12.2020; принята к публикации 18.12.2020.

The article was submitted 23.09.2020; approved after reviewing 10.12.2020; accepted for publication 18.12.2020.